

Частно-правовая секция

**Последствия конфузии в солидарных обязательствах
в современном российском законодательстве: как восполняется
данный пробел?**

Борха Сергей

E-mail: sergey@borha.ru

подавляющее большинство современных национальных законодательств и негосударственных сводов частного права, воспринявших конструкцию солидарных обязательств, содержат специальные правила, устанавливающие последствия наступления в них тех или иных правопрекращающих юридических фактов [4, с. 186–188, I–III; 6, с. 19–27]. Среди них, как правило, есть и норма в отношении характера действия конфузии, которая формулируется правотворцами одним из четырёх альтернативных способов: (1) первый способ предполагает, что конфузия между любым из кредиторов и любым из должников влечёт полное прекращение обязательства (*полный прекращающий эффект erga omnes*); (2) второй, напротив, исходит из полного сохранения его размера, но только в отношении оставшихся участников (*полный прекращающий эффект inter partes*); (3) третий учитывает, что конфузия не только приводит к выбытию из отношения одного из кредиторов (должников), но и уменьшает размер обязательства на внутреннюю долю выбывшего участника (*полный прекращающий эффект inter partes, сочетающийся с ограниченным прекращающим эффектом erga omnes*); (4) последний способ идёт ещё дальше и предусматривает трансформацию оставшегося солидарного обязательства в долевое (*полный прекращающий эффект inter partes, сочетающийся с ограниченным прекращающим и трансформационным эффектами erga omnes*) [4, с. 188, II–III; 6, с. 23–24].

В действующем российском законодательстве подобная норма отсутствует. Нет в нём и какой-либо иной нормы, которая регулировала бы конфузию в солидарных обязательствах. В результате образовалась правовая неопределённость, и её негативные последствия испытывают на себе сами участники оборота, вынужденные мириться с непредсказуемостью выносимых судебных решений (см.: [5, с. 200 (сн. 2); 9, с. 1268]).

Впрочем, некоторые юристы убеждены, что перед нами нет никакого формально-логического пробела и что последствия конфузии в солидарных обязательствах регулируются ст. 413 или 324 ГК РФ.

Так, например, В.В. Бадиев [1], В.А. Белов [2, с. 88–89; 3, с. 105–106], А.А. Павлов [9, с. 831–832] и Д.В. Трут [12; с. 18–19] не видят никаких препятствий для применения к рассматриваемому случаю ст. 413 ГК РФ, то есть общего правила о прекращении обязательства совпадением должника и кредитора в одном лице. Однако данная норма, как и практически все нормы общей части обязательственного права, рассчитана в первую очередь на обязательства с участием лишь одного кредитора и одного должника, из-за чего она попросту не могла быть сформулирована иначе. Кроме того, как верно исправил себя законодатель в 2015 г., изменив редакцию ст. 413 ГК РФ, существо некоторых обязательств может предопределять отсутствие необходимости их прекращения в результате конфузии, а в солидарном обязательстве это именно так, поскольку даже после выбытия из него одного из кредиторов (должников) оно продолжает быть

возможным и исполнимым и к тому же не утрачивает своего смысла (полезности) [10]. Как следствие, к случаям конфузии в солидарных обязательствах ст. 413 ГК РФ непосредственному применению не подлежит.

Другой видный учёный А.М. Ширвиндт также не видит обозначенного нами пробела, но, в отличие от В.В. Бациева, В.А. Белова, А.А. Павлова и Д.В. Трута, он аргументирует, что в солидарных долгах конфузия обладает строго личным действием, поскольку в соответствии со ст. 324 ГК РФ солидарный должник не вправе выдвигать против требования кредитора возражения, основанные на таких отношениях других должников с кредитором, в которых он не участвует [7, с. 49–50] (для солидарных требований см. аналогично п. 2 ст. 326 ГК РФ). Между тем А.М. Ширвиндт игнорирует то обстоятельство, что ст. 324 ГК РФ (с очевидностью инспирированная ст. 1208 (сегодня 1315) ГК Франции) ограничивается лишь указанием на классификацию противопоставимых кредиторам возражений на общие и личные, вместо того чтобы сказать, когда именно они являются общими или личными (см. [15, р. 267 (п. 1); 14, р. 543–544]), а потому из неё нельзя сделать вывод, что конфузия в пассивных солидарных обязательствах обладает исключительно персональным действием (ср.: § 425 и 429(3) ГК Германии и последовавшие за ним ст. 486 и 492 ГК Греции, ст. 295 и 299 ГИТК Таиланда, ст. 460 и 468 ГК Грузии и ст. 497 и 504 ГК Азербайджана).

Таким образом, в российском законодательстве действительно отсутствует норма, которая регулировала бы последствия совпадения должника и кредитора в одном лице в солидарных обязательствах.

Вместе с тем данный пробел может быть восполнен при помощи обращения к аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ).

Об этом в отечественной доктрине уже высказывались М.А. Егорова и В.Г. Лазарев. По их мнению, конфузия в солидарных обязательствах сходна зачёту, а потому в соответствии с п. 1 ст. 6, подп. 1 п. 2 и п. 3 ст. 325 и п. 4 ст. 326 ГК РФ она должна приводить к прекращению всего солидарного обязательства и последующему возникновению регрессного требования (подп. 1 п. 2 ст. 325 и п. 4 ст. 326) [8, с. 703–704; 11, с. 70]. Однако аналогия с зачётом видится неуместной, поскольку конфузия *per se* не является суррогатом исполнения, а потому в отличие от зачёта она не приводит к автоматическому удовлетворению кредиторского интереса.

Гораздо разумнее видится решение, предполагающее исключительно частный эффект конфузии, которое может быть обосновано со ссылками на п. 1 ст. 6 и 413 ГК РФ (более экономически эффективное решение об ограниченном общем эффекте [13, р. 1587] с опорой на ГК РФ, к сожалению, обосновать нельзя (ср.: [10])). Для этого нужно сместить акцент на то, что конфузия в солидарных обязательствах прекращает не само обязательство, а лишь одну из образующих его правовых связей. Именно она перестаёт отвечать требованию о различии субъектного состава в относительном правоотношении (*raison d'être* обязательство прекращающего эффекта конфузии в ст. 413 ГК РФ [7, с. 102]), а потому только она может считаться прекращённой. А поскольку в ГК РФ нет каких-либо правил для таких правовых явлений, то мы и обращаемся к аналогии закона и норме, предписывающей прекращение конфузией обязательства с участием одного кредитора и одного должника, то есть к ст. 413 ГК РФ.

Таким образом, в соответствии с п. 1 ст. 6 и 413 ГК РФ совпадение должника и кредитора в одном лице в солидарных обязательствах не уничтожает всё обязательство и не уменьшает его размер (объём), прекращая только одну из образующих его правовых связей.

Источники и литература

- [1] Бациев В.В. Практический комментарий отдельных положений главы 26 Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательства (за исключением положений о зачете) // Арбитражные споры. 2007. № 4. С. 113–138.
- [2] Белов В.А. Солидарность обязательств (общее учение и отдельные осложняющие моменты — альтернативность, обеспечение, перемена лиц, прекращение) // Практика применения общих положений об обязательствах: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. Москва: Статут, 2011. С. 52–89.
- [3] Белов В.А. Солидарные обязательства // В.А. Белов В.А. Частное право: материалы для изучения: в 3 т. Т. 2: Проблемы обязательственного и договорного права. Москва: Юрайт, 2022. С. 75–106.
- [4] Борха С. Сфера применения и правовой режим солидарной множественности кредиторов в сравнительной перспективе // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 7(59). С. 179–199.
- [5] Борха С.С. Солидарные и конкурирующие обязательства в аргентинском праве: какой урок из этого противопоставления может извлечь российский юрист? // Вестник гражданского права. 2022. Т. 22. № 2. С. 197–239.
- [6] Борха С.С. Сфера применения и правовой режим солидарной множественности должников в сравнительной перспективе: курсовая работа. Москва, 2022. 68 с.
- [7] Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. III: Общие положения об обязательствах и договорах. Договорные обязательства по передаче вещей в собственность или в пользование / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд. Москва: Статут, 2020. 480 с.
- [8] Егорова М.А. Прекращение обязательств: опыт системного исследования правового института. Москва: Статут, 2014. 752 с.
- [9] Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. Москва: М-Логос, 2022. 1496 с.
- [10] Кузнецова Л.В. Спорные вопросы прекращения обязательства совпадением должника и кредитора в одном лице // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2008. № 11. С. 6–25.
- [11] Лазарев В.Г. Обязательство. [Екатеринбург]: Издательские решения, 2016. 376 с.
- [12] Трут Д.В. Прекращение пассивных солидарных обязательств по гражданскому законодательству Российской Федерации и Украины // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2013. № 1. С. 17–20.
- [13] Meier S. Plurality of Parties // Commentaries on European Contract Laws / ed. by N. Jansen, R. Zimmermann. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 1557–1625.
- [14] Mignot M. Les obligations solidaires et les obligations *in solidum* en droit privé français. Dijon: Dalloz, 2000. XII, 857 p.
- [15] Planiol M., Ripert G. Traité élémentaire de droit civil conforme au programme officiel des Facultés de droit. 11ème éd. Т. II. Paris: R. Pichon et R. Durand-Auzias, 1931. XV, 1216, 32 p.